

СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОНВЕРСИЯ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОДЫ

Явление синтаксической конверсии было открыто и описано в рамках семантических исследований и рассматривалось как одно из средств равнозначных преобразований для обеспечения синтаксической синонимии (см. работы Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака Ф. Данеша, Дж. Лайонза, И.А. Мельчука Ч. Филлмора, и др.). В самом общем виде механизм синтаксической конверсии можно определить как перераспределение одноименных актантов в ролях членов предложения. Эти идеи были развиты в многочисленных диссертациях и статьях на материале разных языков.

В 60-70-е годы, на которые приходится пик интереса к данной проблеме, главной задачей было установление тождества предложений, в основе которых лежат взаимно обращенные актантные структуры, и описание механизмов перифразирования. Тем самым авторы теории равнозначных преобразований заложили основы принципиально нового подхода к языковым явлениям, обратив внимание на денотативное тождество разноструктурных предложений, оставляя в стороне явные отличия иного характера:

Don Celes experimentó todo el desprecio del blanco por el amarillo (R. de Valle-Inclán) ↔ A Don Celes le invadió todo el desprecio del blanco por el amarillo ↔ Todo el desprecio del blanco por el amarillo se apoderó de Don Celes.

Так в приведенном примере, который описывает начало ситуации чувства-отношения, трансформированные предложения отличаются от исходного на синтаксическом уровне позицией субъекта (подлежащее ↔ прямое и предложное дополнения соответственно). На уровне семантики изменение синтаксической позиции субъекта не влияет на актантную структуру и на свойства предиката. Различия возникают на коннотативном уровне: благодаря персонификации названия чувства-отношения (*desprecio*) ситуация получает метафорическое обозначение и воспринимается как активное начало.

Позднее вслед за Ф. Данешем [2] в рамках семантико-синтаксических исследований стало принято различать три уровня представления предложения: 1) уровень семантической структуры, 2) уровень грамматической (синтаксической) структуры и 3) уровень коммуникативной организации высказывания. Подобный подход позволил дать более полное описание синтаксических конверсивов с учетом как сходств, так и различий между ними.

На коммуникативном уровне можно отметить весьма частую, но отнюдь не обязательную обращенность тема-рематических отношений: *Juan vendió el coche a Pedro ↔ Pedro compró el coche a Juan*. В предложении-конверсive исходная тема (*Juan*) становится ремой и, соответственно, исходная рема – темой (*Pedro*). Подобные коммуникативные трансформации всегда имеют место при использовании таких глаголов-конверсивов, как *покупать-продавать, давать-получать* и т.п., а также при использовании конверсных синтаксических конструкций, приводящих к изменению порядка слов: *Don Celes experimentó todo el desprecio del blanco por el amarillo ↔ Todo el desprecio del blanco por el amarillo se apoderó de Don Celes.*

Однако если мы обратимся к конверсии не на лексическом, а на синтаксическом уровне, мы отметим наличие конверсных конструкций, не влияющих на актуальное членение (*Don Celes experimentó todo el desprecio del blanco por el amarillo ↔ A Don Celes le invadió todo el desprecio del blanco por el amarillo*). Перераспределение актантов в ролях членов предложения (субъект и название ситуации *desprecio* меняются в ролях подлежащего и прямого дополнения) не влияет на их коммуникативную нагрузку, так как порядок слов остается неизменным.

На уровне семантической структуры изменение направления действия, связанное с иным способом представления ситуации (в том числе с точки зрения разных ее участников), приводит к определенным сдвигам в значении. [6, 232–255]. Денотативное значение отражает ситуацию, фрагмент объективной или вымышленной действительности, а сигнификативное значение, закрепленное за синтаксическими моделями, характеризует способ представления ситуации в сознании говорящих на данном языке: как действие (*Juan corre peligro*), как местонахождение (*Juan está en peligro*), как движение (*El peligro se cierne sobre Juan*) и т.п. В нашем примере изменения на уровне сигнификативного значения характерны для трансформированных предложений, где в роли подлежащего выступает название ситуации *desprecio*, которое благодаря этому персонифицируется и приобретает черты активного начала.

Вместе с тем такие предложения с лексическими конверсивами, как *Juan vendió el coche a Pedro* ↔ *Pedro compró el coche a Juan*, не обнаруживают существенных различий в сигнификативном значении, так как построены по одной и той же модели.

Суммируя вышесказанное, синтаксические конверсивы можно определить как предложения, соотносящиеся с одним и тем же референтом и имеющие одинаковый набор актантов и одинаковое число синтаксических позиций, в которых по крайней мере два актанта занимают разные синтаксические позиции. Синтаксические конверсивы могут отличаться по сигнификативному значению, синтаксической модели и/или тематическому членению.

Обращение к когнитивизму предоставило лингвистам возможность взглянуть на синтаксическую конверсию в несколько ином ракурсе, позволяющем исследовать способы концептуальной организации знаний в рамках понимания и построения языковых структур и фреймовой семантики.

Согласно постулатам когнитивной семантики, действительность «проецируется» в семантику естественного языка и полученная языковая картина («projected world» в терминологии Р. Джекендоффа) отличается от мира действительности [9, 274–324]. По мнению В.Г. Гака, синтаксическая конструкция отражает наше представление о ситуации, а возможность разного проецирования определяется тем, что языковая система отражает объекты приблизительно, ориентируясь на некоторые, более или менее произвольно выбираемые элементы [6, 257]. Отсюда вытекает одно из важнейших свойств любого высказывания – его избирательность, которая может выражаться также и в выборе синтаксической схемы, поскольку «высказывание не может дать полного описания данного отрезка действительности со всеми его элементами, характеристиками, связями, отношениями». «Таким образом, наименование отрезков действительности и их дальнейшая аранжировка непосредственно связаны с тем, как мы представляем себе эту действительность» [6, 258]. Основной смысл синтаксической конверсии прежде всего связан со способом осмысления говорящим определенной ситуации реальной действительности, которая при этом остается неизменной, то есть фактически конверсные представления ситуаций реального мира являются результатом субъективной мыслительной и речевой деятельности говорящего [7, 1].

С позиций когнитивной лингвистики синтаксические конверсивы могут рассматриваться по нескольким направлениям:

1. В плане изучения процессов активации информации в сознании человека и особенностей устройства человеческой памяти. У. Чейфом была установлена их тесная связь с категориями определенности/неопределенности и данности/новизны и, в частности, было предложено объяснение ряда закономерностей порядка слов и интонации в английском языке. Так, интонация английских повествовательных предложений, сообщающих о некотором событии, и место в них обстоятельств времени соответствуют тому, из какой глубины памяти извлекается информация о сообщаемом событии и, следовательно,

насколько большие когнитивные усилия приходится прилагать для такого извлечения – какова цена активации некоторой информации [1, 59–97]. Думается, что применительно к синтаксическим конверсивам проблема может решаться следующим образом: когнитивная мотивация выбора синтаксической модели определяется тем, насколько активирована информация о том или ином участнике ситуации. Соответственно на роль подлежащего говорящий выбирает название того актанта, информация о котором находится в активном состоянии.

2. Рассмотрение языковой проблемы конверсии невозможно без привлечения теории фреймов. По определению М. Минского, фрейм представляет собой структуру данных, в которой отражены знания о некоторой стереотипной ситуации [8,7]. Единство смыслового содержания всех конверсивов обеспечивается наличием единой когнитивной модели или фрейма-референта, лежащих в их основе. Так, Ч. Филлмор интерпретирует семантическое понятие конверсии следующим образом: «Если наличествуют два слова в предикатной функции, принадлежащих к одному и тому же фрейму, но использующихся в синтаксических структурах, которые требуют того, чтобы единицы ассоциируемой схемы упоминались в разном порядке, тогда эти два слова являются конверсивами друг друга [11, 115–116].

Лексическая конверсия уже стала предметом детального изучения на материале разных языков. Действительно, с позиций фреймовой теории, концептуальные схемы классических глагольных конверсивов *покупать* и *продавать* практически одинаковы. Иными словами, эти глаголы являются языковым выражением одного фрейма «купля-продажа», на верхнем уровне которого располагаются слоты участников сделки (покупатель и продавец), объекта купли-продажи, денег (или денежного эквивалента), причины и результата сделки. Слоты нижнего уровня данного фрейма представляют знания, репрезентирующие темпоральные, локативные, квантитативные, модальные и другие параметры. Такая лингвистическая реальность вполне соответствует постулату о множественности воплощения когнитивных структур в языке.

Обращение к когнитивным понятиям предоставляет возможность рассмотреть явление конверсии в плане концептуальной организации знаний и построения языковых структур.

Думается, что вышесказанное вполне справедливо применительно и к синтаксическим конверсивам. Не претендуя на полноту и детальность описания, мы можем предположить наличие единого фрейма «чувство-отношение», включающего соответствующие слоты субъекта и объекта этого чувства, его мотивы, степень проявления и т.п. Очевидно, что точно так же, как и в случае лексических конверсивов, конверсивы синтаксические соотносятся с общей базой знаний носителей языка и описывают единый фрейм-референт (фрагмент объективной действительности).

3. Наконец, с точки зрения создателей и сторонников теории языковой картины мира, синтаксическая конверсия изучается как способ концептуализации действительности, характерный для данного народа. Принимая базовый принцип неогумбольдтианцев о том, что в основе каждого языка лежит особая концептуальная система, следует согласиться и с тем, что каждый язык уникален, причем не только и не столько со структурной точки зрения, сколько с точки зрения зафиксированной в нем картины мира. Причем, по утверждению Л. Вайсгербера, зависимость мышления от языка проявляется как в лексике, так и в грамматике и синтаксисе [4,71]. Модели синтаксических конструкций рассматриваются как навязываемые языком пути осмысления реальных ситуаций. (Ср. очень точное замечание Г.В. Степанова: «Если слова дают нам знать, о чем думает народ, то синтаксис – как он думает» [10, 184]).

Например, в русском языке названия стихийных сил природы (*ветер, молния, буря* и т.п.) часто употребляются в творительном падеже в безличных предложениях (*Ветром*

сдуло), так как воспринимаются как слепая стихия, не способная действовать сознательно. Напротив, во многих европейских языках позиция подлежащего не ассоциируется с сознательностью и целенаправленностью действия, как в русском. Так, А. Вежицка рассматривает указанную особенность русского синтаксиса как проявление склонности русских людей к фатализму, к неконтролируемости поведения. «Неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий» [5, 34]. «Данные синтаксической типологии языков говорят о том, что существуют два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, «что делаю я», т.е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, «что случится со мной», следуя пассивной (пассивной, связанной с пациенсом) ориентации» [5, 55].

Изучение синтаксических конверсивов в этом ракурсе помогает описать чувственно воспринимаемые конкретные образы, сопоставляемые в наивной картине мира с каким-либо абстрактным понятием. Например, *тоска* – грызун, потому что *гложет*. Этот прием впервые был применен Н.Д. Арутюновой, которая на примере анализа метафорической сочетаемости слов абстрактной семантики показала различные, в том числе конверсные способы обозначения денотативной ситуации: *Он светился от радости – радость светилась в его глазах – его глаза светились радостью* [3, 109–110].

В приведенных нами примерах *A Don Celes le invadió todo el desprecio del blanco por el amarillo; Todo el desprecio del blanco por el amarillo se apoderó de Don Celes* благодаря глаголам *apoderarse, invadir* и некоторым другим чувство выступает как враждебная сила, перед которой субъект беспомощен. Анализ языкового материала показывает, что в испаноязычной картине мира чувство-отношение ассоциируется не только с враждебной силой (глаголы *ganar, invadir, dominar, apoderarse, invadir, desatares, conquistar*), но и как субстанция, имеющаяся в теле человека, проникающая в него или покидающая его (глаголы *entrar, irse haber, existir*). При этом синтаксическая модель, в которой подлежащее занято названием чувства, а субъект выступает в роли дополнения или определения, подчеркивает пассивность субъекта, его неспособность противостоять нахлынувшему чувству.

Думается, что описание и инвентаризация средств денотативно тождественных преобразований на уровне предложения может способствовать раскрытию разнообразных картин мира и, в конечном счете, будет способствовать более тонкому и глубокому осмыслению соответствующего языка.

Литература и источники

1. Chafe W. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: Chicago press, 1994
2. Daneš Fr. A Three-Level Approach to Syntax. TLP, 1964
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976
4. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993
5. Вежицка А. Язык. Культура. Познание. М.:Русские словари, 1997
6. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998
7. Добричев С.А. Когнитивные аспекты категории конверсности в современном английском языке. <http://bspu.secna.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/dobrichev.pdf>
8. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979

9. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36
10. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.:Наука, 1976
11. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики// Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1983